

1.

#НеЕеВина

Старший инспектор отдела уголовного розыска Майкл Мэтлок наблюдал за собой с тошнотворным отвращением, какое охватывало его всякий раз, когда приходилось оценивать собственные появления в средствах массовой информации. Никак не мог он привыкнуть к тому, до чего старо смотрится. К тому, что вот это морщинистое нечто пятидесяти с лишним лет от роду он сам и есть.

Нельзя сказать, что ему не нравился собственный внешний вид. На самом деле он втихаря считал, что по-прежнему очень даже. Все еще подтянутый, все еще четкий. Рок-н-ролл все еще при нем. Народ говаривал, что он немного похож на Эджа из “Ю-Ту”*, но это, видимо, просто потому, что Мэтлок носит такую же, как у Эджа, шерстяную шапочку. Но на брифинге для прессы в шерстяную шапочку не нарядишься. В помещении-то, уж во всяком случае.

Приходится признать: лысеешь.

“Жертву звали Сэмми Хилл, — произносил Мэтлок. — Молодая женщина, на нее напали и убили ее вскоре после полуночи, когда она шла по Конуэй-парку”.

Он слышал, как изображает по такому случаю свой телефонный голос. Пытается подкрепить “з” и тормознуть на

* Дэвид Хауэлл “Эдж” Эванс (р. 1961) — музыкант, гитарист, клавишник и основной бэк-вокалист ирландской рок-группы “Ю-Ту”, урожденный валлиец. — *Здесь и далее примеч. перев.*

всех глоттальных. Можно подумать, для ужасного сообщения, которое ему по долгу службы приходится оглашать, его родному килберн-хай-роудскому выговору недостает вескости. Как преподнести новости, которые никому не хочется слышать? Какими словами или тоном можно вообще прикасаться к печали и ярости, что почувствуют зрители от этих новостей? К невыразимой досаде от ужасной неизбежности всего этого? Сколько подобных заявлений ему пришлось делать за годы? Всю жизнь в полиции, а ничего ж не меняется.

“Жестокое убийство. Зверский, бессмысленный поступок. И мы желаем заверить общество, что делаем все от нас зависящее, чтобы поймать злоумышленника. Однако убийца пока на свободе, и хотя мы не можем исключить возможность, что Сэмми знала своего обидчика, судя по некоторым признакам, нападение было случайным. Угораздило человека, что называется, не вовремя”.

Помощник заместителя комиссара полиции ткнул в клавишу на ноутбуке. Картинка застыла. Мэтлок в тот миг как раз переводил дух, но смотрелся так, будто воет. Как фигура с картины “Крик” Эдварда Мунка. С поправкой на то, что *на* столько лысым Мэтлок не был и уши ладонями не зажимал.

Но ужаснулся не меньше. И растерялся тоже.

Странное это дело: стоп-кадр словно бы содрал с Мэтлока маску и запечатлел испуг, гнев и мучительное бессилие, до этого скрытые за энергичным тоном и официальнойностью. Мэтлок чувствовал себя на той пресс-конференции в точности как существо с полотна Мунка. На всех подобных пресс-конференциях он чувствовал себя так. Всего лишь человек он, никуда не денешься.

— “Угораздило не вовремя”?

Помзамкомиссара полиции говорил медленно. Холодно. Для Мэтлока дело запахло керосином, но Мэтлок не понимал с чего.

— Ага. Очень прискорбно, сэ, — за неимением никакого другого ответа согласился Мэтлок.

— Вы что имели в виду?

— Что я имел в виду?

— “Угораздило не вовремя”. Что вы имели в виду?

Мэтлок ощутил легкий прилив гнева. Захотелось сказать: “Нуачо!” — как вечно говорила ему дочка его подруги Нэнси, подросток. Захотелось сказать, что, блин, очевидно же, что он имел в виду. Что место этой несчастной женщины на земле оказалось мишенью катастрофического случайного вторжения. Все равно что метеорит рухнул на нее с неба. Что жизнь ужасна, жестока и совершенно, космически несправедлива, а угрюмая и жуткая истина — в том, что подобное могло бы случиться с любой женщиной. Захотелось сказать, что пересеклись дорожки невинной жизни и жизни злобной и психотической.

— Я подчеркивал случайность этого нападения, сэ, — тихо ответил Мэтлок. — Практически уверен, что это не семейные разборки. На мой взгляд, убийца просто наткнулся на свою жертву. Плюс-минус пять минут — и попалась бы другая девушка. Я считаю важным донести это до людей.

— Я не об этом спрашиваю, Мэтлок.

— Тогда я не понимаю, *о чем* вы спрашиваете, сэ.

— Правда?

— Правда. — И действительно не понимал. Мэтлоку совершенно невдомек было, к чему это все.

— Конуэй-парк — общественное место, верно? — спросил помощник замкомиссара.

— Да.

— И, насколько мне известно, в этой стране нет комендантского часа.

— Комендантского часа? Не слышал, нет.

Хрупкое хладнокровие помощника замкомиссара полиции наконец рвануло.

— Тогда какого же хрена вы говорите людям, что эту женщину угораздило не вовремя? Феерический, *феерический* вы придурок!

Феерический придурок? Он что, действительно так и сказал? С каких это пор помощники замкомиссара полиции стали выражаться, как школьники? С тех пор как так стали выражаться премьер-министры, предполагал Мэтлок.

— Ну, — начал он, — я же говорю, я не буквально. Пытался указать на случайность...

Помощник замкомиссара еще раз ткнул в клавишу, и беззвучно вопивший образ гнева и растерянности содрогнулся и ожил, вновь облекшись маской уверенного, спокойного, надежного полицейского.

“К сожалению, приходится допускать, что этот человек, скорее всего, нападет опять. Соответственно, призываю всех женщин в этом районе быть предельно бдительными. Планируйте дорогу домой заранее, по возможности избегайте безлюдных кварталов. Старайтесь перемещаться парами...”

В клавиатуру ткнула другая рука. С ярко-красными точеными ноготками.

— Господи, Мик! Такое впечатление, будто ты говоришь, что это она сама виновата.

Ой бя. Дошло наконец. Действительно получилось похоже на то.

Дженин Тредуэлл — из Скотленд-Ярда, руководитель отдела по связям с общественностью и медиа. Мик Мэтлок — старший инспектор убойного отдела Скотленд-Ярда. Они друг с дружкой почти всегда ладили. Но явно не в этот раз.

— Ты действительно так думаешь? — спросила она.

— Да! — рявкнул помощник замкомиссара полиции. — Вы в самом деле таковы?

— Послушайте. Я просто хотел...

Но вопрос был, очевидно, риторическим.

— И все-таки? — настаивал помощник замкомиссара, упиваясь возможностью засветить всем доказательство собственной прогрессивности. — Вы из таких, которые считают, что девушке не надо было и соваться в тот парк?

— Нет! Я просто...

— Эта женщина не виновата в том, что на нее напали, Мик, — проговорила Дженин. — Виноват напавший.

Тон у нее был помягче, но задевал он Мика сильнее, чем фарисейский выпендрож помощника замкомиссара. Она права. Ну конечно, права. Ему стало стыдно за дурацкий выбор слов — и он смутился от того, что Дженин решила, будто он даже не понимает своей ошибки.

— Да, Дженин, я целиком и полностью это понимаю, но...

— Но тем не менее! — встрял помощник замкомиссара, уже едва не вопя. — Вы оказались в телеэфире и сообщили половине населения этой страны, что если им не хочется, чтобы их грохнули, пусть держатся подальше от городских парков после наступления темноты, иначе их угораздит не вовремя. Вы в каком веке живете?

Мэтлок оставил попытки объясниться. Действительно надо было сформулировать получше.

— Извините, — сказал он и обратился к Дженин: — Надо полагать, отделу по связям с прессой разгрести тут будь здоров сколько.

— Боюсь, да.

— Глупость сморозил.

— Есть немножко, — подтвердила Дженин.

— Чудовищная, чудовищная тугоухость, — добавил помощник замкомиссара, праведно негодуя.

— Можно я вернусь к расследованию? — спросил Мэтлок. — Перед тем как меня сюда вызвали, я намеревался осмотреть труп.